

Убийца

Текст сверен с изданием: А. И. Куприн. Собрание сочинений в 9 томах. Том 4. М.: Худ. литература, 1971. С. 262 - 267.

Говорили о теперешних событиях: о казнях и расстрелах, о заживо сожженных, об обесчещенных женщинах, об убитых стариках и детях, о нежных свободолюбивых душах, навсегда обезображенных, затоптанных в грязь мерзостью произвола и насилия.

Хозяин дома сказал:

- Как изменился масштаб жизни - страшно подумать! Давно ли? - лет пять тому назад - все русское общество волновалось и ужасалось по поводу какого-нибудь одиночного случая насилия. Городовые избили в кутузке чиновника, земский начальник арестовал приезжего студента за непочтение. А теперь! Там расстреляна целая толпа без предупреждения; там казнили по ошибке одного однофамильца вместо другого; там стреляют людей просто так себе, от нечего делать, чтобы разрядить заряд; там хватают и секут нагайками молодого человека, секут без всякого повода, для дарового развлечения солдатам и офицерам. И уже - вот! - это не возбуждает в нас "и удивления, ни переполоха. Все стало привычным...

Кто-то нервно завопил в углу дивана. Все обернулись туда, чувствуя, что этот человек сейчас заговорит, хотя не видели его. И он начал говорить тихим, преувеличенно-ровным тоном, но с такими частыми паузами между словами и с такими странными вздрагиваниями голоса, что всем стало ясно, как трудно ему сдерживать внутреннее волнение и скорбь.

- Да... я вот что хотел... По-моему, это... неправда, что можно... привыкнуть к этому. Я понимаю еще убийство... из мести - тут есть какая-то громадная... какая-то звериная радость. Понимаю убийство - Да... я вот что хотел... По-моему, это... неправда, что можно... привыкнуть к этому. Я понимаю еще убийство... из мести - тут есть какая-то громадная... какая-то звериная радость. Понимаю убийство в гневе, в ослеплении страстью, из ревности. Ну, наконец, убийство на дуэли... Но когда люди делают это механически... без раздражения, без боязни какой бы то ни было ответственности... и не ожидая даже сопротивления... нет, это для меня так же дико, ужасно и непостижимо, как непостижима для меня психология палача... Когда я читаю или думаю о погромах, об усмирительных экспедициях или о том, как на войне приканчивают пленных, чтобы не обременять ими отряда, я теряю голову. Я стою точно над какой-то черной, смрадной бездной, в которую способна падать иногда человеческая душа... И я ничего не понимаю... мне жутко и гадко... до тошноты... но... странное, мучительное, болезненное любопытство приковывает меня... к ужасу... ко всей безмерности этого падения.

Он помолчал немного, прерывисто вздохнул, и когда опять заговорил, то по его изменившемуся голосу, ставшему внезапно глухим, можно было догадаться, что он закрыл глаза руками.

- Ну, что же... все равно... я это должен рассказать... На моей душе тоже лежит этот давнишний кровавый бред... Около десяти лет тому назад я совершил убийство... Я никому до сих пор не говорил... - Ну, что же... все равно... я это должен рассказать... На моей душе тоже лежит этот давнишний кровавый бред... Около десяти лет тому назад я совершил убийство... Я никому до сих пор не говорил... но... все равно... Видите ли - у меня в имении, в людской избе, жила кошка. Такая худая, маленького роста, заморыш... скорее похожая на котенка... белой шерсти... но так как она жила всегда под печкой, то всегда была грязно-серой, какой-то голубой...

Все это произошло зимой... да, поздней зимой. Было утро - чудесное, тихое, безветренное. Светило солнце, . уже теплое, и на снег было невозможно смотреть, так он сверкал. В этот год навалило снегу необыкновенно много, - и все мы ходили на лыжах. И вот в это утро я надел лыжи и пошел осмотреть плодовый питомник, который за ночь испортили зайцы. Я двигался тихонько вдоль правильных рядов молодых яблонек, и, как теперь помню, - снег казался розовым, а тени от маленьких деревьев лежали совсем голубые и такие прелестные, что хотелось стать на колени около них и уткнуться лицом в пушистый снег.

И вот ко мне подходит старый работник Языкант. Его как-то иначе звали, но такое уж у него было прозвище. Идем с ним рядом, - он тоже на лыжах, - говорим о том, о сем. Вдруг он засмеялся:

- А наша кошечка, барин, без ноги осталась.

Я спросил: почему?

- Да, должно быть, попала в волчий капкан. Полноги начисто.

Тогда я захотел взглянуть на нее, и мы пошли к людской избе. Вскоре нам дорогу пересек